

Маша выбирает профессию

Семь лет — серьёзный возраст. В семь лет ребёнок выбирает, идти ли ему в школу или сразу на работу.

Семилетняя Марья Петровна Уткина хотела выйти на работу. Сначала ветеринаром, а потом космонавтом.

Но в клинике для животных сказали: «Будем рады принять вас на работу, но...» Маша уже знала, что после «но» всегда говорится самое важное. И обычно самое противное.

В этот раз ей сказали: «Обязательно приходите к нам работать! Но! — сначала начните и закончите школу. И университет. И сразу к нам. Ждём вас через пятнадцать лет».

Тогда Маша решила посвятить себя космосу. Для того, чтобы летать, школа не нужна: в невесомости кто угодно полетит.

Папа горячо её поддержал. Сказал, что в далёком детстве он и сам был космонавтом. Но — опять «но»! — прежде чем поступать на работу в космос, надо померить рост. Потому что самые маленькие скафандры рассчитаны на 150 см.

Маша с папой побежали к притолоке, побежали за карандашом, побежали за рулеткой. И выяснили, что... Машин рост — всего 132 см. Мало! Не хватает!

Маша надулась:

— Что же мне делать теперь? Кем работать?

— Марья, — задумался папа, — а может, ты всё-таки попробуешь в школе поучиться? А там и до скафандра дорастёшь.

Маша всхлипнула:

— А вдруг меня и в первый класс не возьмут? Вон я какая маленькая, 132 сантиметра всего!

— Тебе страшно, что тебя в школу не примут? Но ты не бойся, в школу берут по возрасту. А возраст у тебя самый что ни на есть подходящий — семь лет.

— Да?

— Да. Завтра пойдём запишемся, хорошо?

— Хорошо, — кивнула Маша, — ладно. Школа так школа.

ХРАБРАЯ ДЕВОЧКА С ПЯТЬЮ ФАМИЛИЯМИ

Наутро Маша с папой собрались идти в школу. Записываться в первый класс. Папа смотрит, а Маша что-то хмуря. Чего такое? Оказалось, Маша боится записываться.

— Марья, да это не страшно, — сказал папа. — Тебя спросят имя-фамилию, проверят, умеешь ли ты читать да считать, и всё.

— А я всё равно боюсь.

— Тогда давай превратимся в тех, кто не боится. — Папа направил на Машу невидимую волшебную палочку и торжественно сказал: — Марья Петровна Уткина, превращаю тебя в бесстрашную воительницу.

Папа сделал паузу.

— Теперь твоя фамилия — Птибурдукова-Тарарыкина-Перепетуева-Гукасовская.

Маша покатила со смеху:

— Папа! Не бывает таких фамилий!

— Это у обычных девочек не бывает. А у отважных — бывает. Чем смелее девочка, тем длиннее у неё фамилия. А ну говори, как тебя зовут?!

— Марья Петровна Птибурдукова-Тарарыкина-Перепетуева-Гукасовская, — оттарабанила Маша без запинки и хрюкнула от смеха: — Вот это фамилия!

— Ну? Боишься?

— Вроде бы не боюсь! Не боюсь, папа!

— Ну, тогда идём.

Пришли они в школу. А там, перед дверью кабинета, уже сидит несколько детей с родителями. И дети нервничают, а уж родители — тем более.

«Видно, у них фамилии совсем коротенькие, — подумала Маша. — Не повезло».

Из кабинета выглянула тётенька и сказала:

— Уткина Марья.

Маша с папой вошли и оказались в школьном классе. Три ряда парт, три большущих окна, доска, на которой можно мелом писать, — здорово!

И тётеньки сидят: комиссия. Смотрят на Машу и говорят:

— Здравствуй, Маша. Ты хочешь у нас в первом классе учиться?

А Маша отвечает:

— Вообще-то нет. Просто меня в космос не взяли, потому что у меня рост всего 132 см. Мне пока все скафандры велики, к сожалению. Даже детские.

— А, — говорят тётеньки, — так-так, понятно. А как твоя фамилия?

ПТШЪ ХРДУКОВА
ТОРАРЪСКИНА

— О! Моя фамилия, — отвечает Маша, — Птибурдукова-Тарарыкина-Перепетуева-Гукасовская. Марья Петровна.

— Как-как?? Бурдюкова?

— Нет, — терпеливо сказала Маша. — Я — бесстрашная Марья Петровна по фамилии Птибурдукова-Тарарыкина-Перепетуева-Гукасовская.

— Бурундукова? Мукасовская? — переспрашивает комиссия. — А дальше что?

Маша говорит:

— Минутку. Я вам сейчас свою фамилию на доске напишу.

Побежала она к доске — хватать мелок и давай писать, пока мел не отобрали! Весело!

Мелок по доске стучит — тук-тук-тук — крошится, а Маша знай буквы выводит с завитушками. Вдруг, думает, в школу не возьмут, так я хоть узнаю, как это — мелом на доске писать.

— Ничего не понимаю, — говорит главная тётенька. — Мы же Уткину вызывали.

А Маша думает: «Чем длиннее фамилия, тем храбрее девочка», — и говорит:

— А я и есть Уткина. Это моя пятая фамилия.

Дописала на доске «Уткина» и над каждой фамилией проставила цифры — 1, 2, 3, 4, 5.

Тётеньки из комиссии повернулись к папе. А папа сидит за партой, и в руках у него — плакат с кривоватыми, но очень красными буквами:

«Вперёд, Уткина-Птибурдукова-Тарарыкина-Перепетуева-Гука...» — а «совская» уже не влезло.

— Скажите, папа, — произнесла главная тётенька, — а ваша фамилия тоже э-э-э...

— О да! — говорит папа. — Тоже! И даже на пару фамилий длиннее, потому что я — ужасно храбрый. Я ведь и в школе учился, и в университете, а потом работать пошёл.

— Так, а кем же мы работаем? — спросила строго вторая тётенька.

— Мы работаем в больнице, — отвечал папа. — Хирургом. Позвоночники оперируем.

— А в детстве папа космонавтом работал! — торопливо добавила Маша. — А ещё клоуном в цирке.

— Да-да. Мы так и подумали, — сказали тётеньки. — Ну что же, Марья Петровна, приходи через неделю в первый класс.

— Но вы же не проверили, умею ли я писать! — возмутилась Маша.

— Как не проверили, а это что? — и комиссия показала на доску с пятью Машиными фамилиями.

Папа свернул плакат, они попрощались со строгими тётеньками и отправились домой.

— Страшно было? — спросил папа по дороге.

— Ни капельки, — ответила Марья Петровна и прижалась к папе.

Додик — Хомячок и Девочка

Лето заканчивалось. Определившись с Машиным будущим, папа с Машей решили ехать на дачу, к маме и Додику.

Додик — это младшая Машина сестра. Взаправду сестру зовут Авдотья, но Маша случайно превратила её в Додика.

Появление Авдотьи Маша встретила без энтузиазма.

— Ты же сама хотела сестру, — говорили родители.

— Я и кухню игрушечную хотела. И сову. И хомячка. И собаку я хотела, — отвечала сурово Маша. — И где это всё?

— Зато тебе будет с кем играть! — радостно говорили родители.

— Мне и так есть с кем поиграть, — возражала Маша и начинала загибать пальцы: — Вова, Платон, Туся, Динара, дедушка Лёша, Инна Ивановна из 24-й квартиры.

Родители переглянулись.

— И на даче полно народу, — продолжила увлечённо Маша. — Аня с хвостиками, Аня с косичками... Мишка, Вика и Викин хомяк, Додик. Помните, какой он хорошенький? Ушки кругленькие, лапочки маленькие, глазки как бусинки. И он такой живой!

Воцарилось молчание. Только кряхтела и скрипела в новой кроватке новая девочка. Бедняга не знала, что сейчас решается её судьба.

— Хочешь её поддержать?

Маша пожала плечами. Можно и поддержать. Папа достал сестру из кроватки и положил Маше на колени.

— А как её зовут? — спросила вдруг Маша.

— Авдотья Петровна Уткина, — ответил он.

Авдотья Петровна была тёплая и тяжёлая. Оказавшись у Маши на руках, Авдотья перестала скрипеть. Она выпростала из-под пелёнки ручку.

Пухлый кулачок Авдотьи Петровны был сложен в крошечную фигу. Авдотья взмахнула ручонкой и сунула фигу в кругленький ротик.

У Маши в груди вдруг что-то заволновалось и завозилось, как возится хомячок в ладонях. Это были совершенно новые Машины чувства. Они появились вместе с Авдотьей.

— Ой! Мама! — воскликнула Марья. — Ты видела, какие у неё малюсенькие пальчики?

— Пока нет, — сказала мама. — Не было времени как следует её рассмотреть. Малюсенькие, говоришь?

— Давайте разглядим её получше? — предложил папа.

Они вытащили Авдотью из пелёнок и убедились, что у их новой девочки есть всё, что может пригодиться человеку в будущем.

Есть ноги и руки. Есть пальцы — совсем кукольные, но абсолютно настоящие, с ноготками. Вместо волос — пух. Есть нежное пузечко с пупком. Пупок намазан зелёнкой.

— А она точно девочка? — взволновалась вдруг Маша. — Врачи ничего не напутали?

Мама сняла с Авдотьи Петровны памперс: Авдотья оказалась стопроцентной девочкой.

В этот момент Авдотья заскрипела и начала крутить головёшкой. Маша встревожилась:

— Мама, чего с ней такое? Ей больно?

— Есть хочет, — сказала мама и приложила Авдотью к груди.

Та немедленно присосалась. Маша, вытаращив глаза, следила за тем, с каким аппетитом ест её сестра. Вскоре Авдотья заснула. Причём заснула с лицом человека, у которого всё хорошо.

Маша смотрела на спящую сестру и остро чувствовала, что это очень миленький маленький малыш. Хорошенький. С круглыми ушками. С пухлыми щёчками. Совсем-совсем живой.

И как, скажите на милость, Маша могла выразить внезапную любовь?

— Она прям как Додик, Викин хомячок! Даже лучше! — прошептала Маша. И этот шёпот оказался волшебным.

Авдотья оказалась толстенькой, как хомяк, и очень боевой девочкой. Её первым словом было «Маса», то есть Маша. А вторым «Дёдя», то есть Додик.

С тех пор прошло почти три года, Авдотья здорово выросла, но имя Додик приклеилось к ней намертво.

САЛФЕТКИ В УШАХ И ДРУГИЕ СТРОГИЕ ПРАВИЛА

На дачу пришлось ехать на электричке. Машину забрала мама, им с Додиком машина нужнее.

До отправления электрички оставалось ещё два часа, а папе с Машей захотелось перекусить. Папа сорвал одуванчик, протянул Маше и торжественно произнёс:

— Дочь моя, Марья Петровна! Приглашаю тебя в одно очень интересное кафе!

Маша обрадовалась, она любила в кафе ходить.

Идут они, идут, а папа рассказывает по дороге:

— Знаешь, это кафе называется «Безобразница». Там такие правила чудные!..

— Какие? Расскажи, расскажи! — торопит его Маша.

Папа говорит:

— Там, когда хочешь официанта подозвать, надо взять две салфетки и засунуть в уши. Тогда официант быстро подойдёт.

— Не может быть!

— Ещё как может. А когда делаешь заказ, надо быстро-быстро моргать глазами.

— Папа, так не бывает! — кричит Маша.

— Хо-хо, ещё как бывает! А если тебе еда понравилась и ты хочешь сказать поварам спасибо, то надо снять носки и подбросить их к потолку. Понятно?

— Понятно, — говорит Маша. — Чего ж тут непонятного.

И так они по пути заболтались, что не заметили, как прошли мимо «Безобразницы» и по ошибке зашли в самое обычное кафе.

Сели они за столик, осмотрелись, воткнули салфетки в уши. Официант мигом подбежал. Смотрит на них с ужасом и говорит:

— Готовы сделать заказ?

Папа быстро-быстро заморгал и ответил:

— Мне, пожалуйста, салат и кофе. Теперь ты заказывай, Марья Петровна.

Маша тоже заморгала изо всех сил и сказала:

— А мне, пожалуйста, пиццу и яблочный сок. А можно уже салфетки из ушей вытащить?

Официант подпрыгнул и говорит:

— Даже нужно!

Наелись папа с Машей, вкусно было! Значит, настало время повара поблагодарить. Сняли они носки, кидают к потолку. Папа так постарался, что его носок на люстре повис. Официант подходит и спрашивает взволнованно:

— Вам всё понравилось?

— Ну да, — отвечают папа и Маша, — видите, мы даже носки подбрасываем.

— Нет ли у вас длинной швабры? — спрашивает папа.

— Зачем она вам? — нервно отвечает официант.

— Да носок с люстры снять!

Официант глаза на них вытаращил, но ничего не сказал. Деньги забрал и, пятясь как рак, ушёл.

Ждали они его, ждали — не идёт. И швабру не несёт. Папа на часы посмотрел.

— Нам уже пора, — сказал он. — Придётся в одном носке к маме ехать.

Маша с папой на улицу вышли и наконец на вывеску поглядели.

— Ой, папа! — сказала Маша в ужасе. — Это же не «Безобразница» была. А самое обычное кафе. А мы там носки подбрасывали!

— Бежим отсюда! — скомандовал папа, и они что есть духу побежали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru